

КАСКАДНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ «НОВОГО УЗБЕКИСТАНА»: РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ, КУЛЬТУРНЫХ, ТУРИСТИЧЕСКИХ И ТОРГОВЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ С ИРАНОМ

<https://doi.org/10.24412/2181-1784-2025-27-281-293>

Хазиев Ришат Амирович,

*Студент 3-го курса факультета Международных отношений,
Университета мировой экономики и дипломатии*

rishatkhaiev18.07@gmail.com

Научный руководитель: Г.Ш.Хусаинова
учитель кафедры «Восточных языков»

Аннотация: *Статья анализирует развитие политических, торговых, культурных и туристических отношений Узбекистана и Ирана в рамках курса «Новый Узбекистан». Предлагается «каскадно-прагматическая модель» внешней политики и показывается, как иранский вектор усиливает роль Узбекистана как логистического и культурно-образовательного хаба Центральной Азии.*

Ключевые слова: *Узбекистан, Иран, внешний политический курс, Новый Узбекистан, Центральная Азия, транспортные коридоры, торгово-экономическое сотрудничество, культурная дипломатия.*

CASCADE-PRAGMATIC DIPLOMACY OF THE "NEW UZBEKISTAN": DEVELOPMENT OF POLITICAL, CULTURAL, TOURIST AND TRADE RELATIONS WITH IRAN

Abstract: *This article analyzes the development of political, trade, cultural, and tourism relations between Uzbekistan and Iran within the framework of the "New Uzbekistan" policy. A "cascade-pragmatic model" of foreign policy is proposed and how the Iranian vector strengthens Uzbekistan's role as a logistics, cultural, and educational hub for Central Asia.*

Keywords: *Uzbekistan, Iran, foreign policy, New Uzbekistan, Central Asia, transport corridors, trade and economic cooperation, cultural diplomacy.*

ВВЕДЕНИЕ

Политический диалог между Узбекистаном и Ираном после 2016 года выглядит не как отдельный эпизод двусторонней истории, а как часть более крупного сдвига, который в Ташкенте обозначают формулой «Новый Узбекистан». Запуск Стратегии действий 2017–2021 и последующей Стратегии развития Нового Узбекистана 2022-2026 придал внешней политике чётко артикулированный вектор: открытость, многоуровневая кооперация и опора на экономический прагматизм¹. На этом фоне отношения с Ираном становятся удобной «лабораторией», где проверяется способность Ташкента превращать декларации о многовекторности в конкретные транспортные, торговые и гуманитарные проекты.

1.1. Тематическая рамка и объект анализа

Фокус статьи - развитие политических, культурных, туристических и торговых связей между Узбекистаном и Ираном в эпоху «Нового Узбекистана», то есть после прихода к власти Шавката Мирзиёева и перезапуска внешнеполитического курса с 2016–2017 годов². Объектом анализа выступает именно траектория изменений: от осторожного, фрагментарного взаимодействия к попытке встроить иранское направление в более широкую евразийскую архитектуру, где Узбекистан претендует на роль центральноазиатского хаба, а Иран - на роль «южных ворот» к Персидскому заливу и Индийскому океану³. Двусторонний трек, таким образом, рассматривается не изолированно, а как один из тестов на состоятельность новой модели внешней политики Ташкента.

1.2. Актуальность темы

Важность узбекско-иранского направления сегодня задаётся не только географией, но и конфигурацией рисков. Для Ташкента Иран - ключевое звено в строительстве коридоров «Север–Юг» и «Узбекистан–Туркменистан–Иран–Турция», дающих выход к иранским портам Бендер-Аббас и Чабахар и фактически снимающих «континентальный тупик» Узбекистана⁴. На уровне экономики растут объёмы взаимной торговли и инвестиций; по данным официальных структур и совместных бизнес-форумов, товарооборот в 2023 году превысил 500 млн долларов, а стороны декларируют цель довести его до

¹ The Multidimensional Foreign Policy of New Uzbekistan // Institute for Strategic and Regional Studies under the President of the Republic of Uzbekistan (ISRS). 20.12.2024.

² New Uzbekistan – A New Model of Foreign Policy // Permanent Mission of the Republic of Uzbekistan to the United Nations. 01.02.2021.

³ Uzbekistan, Turkmenistan and Iran explore transport corridor feasibility // Daryo.uz. 01.08.2023.

⁴ Uzbekistan, Turkmenistan and Iran plan to create an international transport and transit corridor // Kun.uz. 02.08.2023.

1 млрд долларов⁵. Одновременно жёсткий санкционный режим против Тегерана и конкуренция проектов России, Китая и стран Залива вокруг иранского транзита делают эту связку чувствительным элементом региональной безопасности и экономической устойчивости Центральной Азии.

1.3. Проблемное поле и ключевые челленджи

Под внешней благоприятной риторикой легко разглядеть структурные ограничения. Первый узел - как наращивать экономическое и финансовое сотрудничество с Ираном, не подрывая собственную интеграцию в мировую финансовую систему и не нарушая санкционный режим; часть транзакций неизбежно упирается в банковские и страховые барьеры⁶. Второй - инфраструктурный: железнодорожные линии, портовая инфраструктура и таможенные процедуры пока не соответствуют заявленным объёмам будущего транзита, о чём косвенно свидетельствуют регулярные переговоры по снижению тарифов и ускорению подписания соглашений по коридору «Узбекистан–Туркменистан–Иран–Турция». ⁷ Третий - гуманитарный: реальные масштабы культурных и образовательных обменов пока заметно уступают политическим амбициям и экономическому потенциалу. Наконец, остаётся разрыв между объёмом подписанных договорённостей и скоростью их практической имплементации, регулярно поднимаемый в деловых и экспертных дискуссиях.

1.4. Цель, задачи и исследовательский подход

Цель работы - показать, как реформированный внешнеполитический курс Узбекистана под руководством Ш. Мирзиёева трансформировал формат взаимодействия с Ираном в политике, экономике, культуре и туризме и какие стратегические траектории открываются на этом направлении. Для достижения цели ставятся следующие задачи: описать эволюцию внешней политики Узбекистана после 2016 года как институциональную и ценностную основу «Нового Узбекистана»; сконструировать авторскую модель дипломатии Мирзиёева, подчёркивая её прагматизм и опору на региональное доверие; проверить эту модель на иранском кейсе по ключевым отраслям - торговля, транспорт, энергетика, туризм; проанализировать каналы культурного и образовательного обмена как элементы «мягкой силы»; предложить сценарный прогноз дальнейшего развития узбекско-иранских

⁵ Presidents of Uzbekistan and Iran Discuss Prospects for Bilateral Cooperation // President of the Republic of Uzbekistan. 18.06.2023.

⁶ Uzbekistan, Turkmenistan and Iran explore transport corridor feasibility // Daryo.uz. 01.08.2023.

⁷ Uzbekistan and Iran: a new impetus for enhancing trade-economic collaboration // UzA – National News Agency of Uzbekistan. 21.06.2023.

отношений. Эмпирической базой служат материалы пресс-службы президента Узбекистана, данные национальных агентств UZA и Daryo.uz, публикации Kun.uz, аналитика ISRS, а также иранские официальные и медийные источники

Трансформация внешнеполитического курса и применение каскадно-прагматической модели на Иранском направлении

2.1.1. Наследие «закрытого» внешнеполитического курса до 2016 г.

До смены власти в Ташкенте внешнеполитическая траектория Узбекистана напоминала осторожное маневрирование в узком коридоре: контакты поддерживались, но стратегия строилась на минимизации рисков, а не на поиске возможностей. Исследования о переходе от «реалистской» к более конструктивистской линии подчёркивают, что в 1990-е и 2000-е годы доминировал оборонительный подход, ориентированный на суверенитет, дистанцирование от интеграционных проектов и жёсткий контроль над внешним влиянием⁸. Аналитика по Стратегии действий подчёркивает, что до 2016 г. региональное сотрудничество в Центральной Азии фактически буксовало: неурегулированные границы, слабая экономическая связность и дефицит доверия делали узбекскую внешнюю политику по отношению к соседям реактивной, а не проактивной⁹. Даже официальный обзор внешней политики на правительственном портале признаёт, что до начала масштабных реформ страна действовала в условиях «существенных изменений в мире и регионе», но без сопоставимого изменения собственных инструментов и стиля работы¹⁰. На этом фоне нынешний курс «Нового Узбекистана» выглядит не просто корректировкой, а сменой парадигмы.

2.1.2. Политическая перезагрузка: Стратегия действий и новый внешнеполитический курс

Стратегия действий по пяти приоритетным направлениям развития Узбекистана на 2017–2021 годы стала поворотной точкой, в которой внешняя политика впервые была встроена в единую архитектуру внутренней модернизации¹¹. В документе, а затем в Стратегии развития «Новый Узбекистан» 2022–2026 подчёркивается сочетание внешней открытости, экономической либерализации и активного регионального лидерства как

⁸ Salomov J. Towards Openness and Real Democracy? Uzbekistan's Political Transformation under the Action Strategy 2017–2021 // EUCACIS Online Paper. 2019.

⁹ Tadjiev Sh. New Uzbekistan Foreign Policy in Central Asian Stability // International Affairs. 2024. URL: <https://international-affairs.uz>

¹⁰ Foreign Policy of the Republic of Uzbekistan // O'zbekiston Respublikasi Hukumat portalı.

¹¹ Uzbekistan's Transformation in 2017: Reforms and New Foreign Policy // Policy Commons. 2018. URL: <https://policycommons.net>

ключевых опор курса Ш. Мирзиёева¹². Аналитика ИСМИ (ISRS) фиксирует несколько принципов этой «обновлённой» внешней политики: приоритет Центральной Азии, отказ от самоизоляции, ориентация на взаимовыгодную кооперацию и многовекторность¹³. Исследования узбекских и зарубежных авторов подчёркивают, что Стратегия действий выступила «юридическим ядром» трансформации: через неё институционально были закреплены реформы МИД, усиление роли аналитических центров (ИСМИ, Центр международных отношений), обновление концепции внешней политики и перевод дипломатии в более проактивный, экономически ориентированный режим¹⁴.

2.2.1. «Каскадно-прагматическая» модель дипломатии Мирзиёева: описание

Если попытаться схватить нынешний курс в одной формуле, он напоминает каскад: внутренние реформы запускают региональное сближение, а затем уже открывают шлюзы для более широкой внешнеполитической активности. В рамках условной «каскадно-прагматической модели» первый круг – это глубокая внутренняя перестройка: либерализация валютного режима, улучшение инвестиционного климата, перезапуск госуправления и судебной системы, зафиксированные в стратегических документах «Новый Узбекистан – 2022–2026» и «Узбекистан-2030»¹⁵. Второй круг – региональная кооперация: снятие приграничных ограничений, укрепление доверия с Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном, участие в многосторонних форматах ЦА¹⁶. Третий круг – выход на новые рынки и партнёров (Иран, страны Залива, ЕС, Восточная Азия) через экономические и инфраструктурные проекты, а не через военные союзы¹⁷. ИСМИ характеризует этот курс как «многомерную» внешнюю политику, где суверенность и прагматизм сочетаются с активным поиском новых центров силы и логистических маршрутов.

2.2.2. Инструменты модели: личная дипломатия, «пакетный подход» и многосторонние площадки

Практическая реализация этой модели строится на трёх наборах инструментов. Во-первых, личная дипломатия: президент Мирзиёев

¹² The Strategy of Actions: Five Year Results Are Summed Up // Strategy.uz. 2022. URL: <https://strategy.uz>

¹³ Key Foreign Policy Priorities of a Renewed Uzbekistan // Institute for Strategic and Regional Studies under the President of the Republic of Uzbekistan (ISRS). 29.07.2020.

¹⁴ The Multidimensional Foreign Policy of New Uzbekistan // ISRS. 20.12.2024.

¹⁵ Uzbekistan and Kazakhstan to Increase Trade to \$10 Billion by 2030 // News.az. 15.11.2025.

¹⁶ Uzbekistan and Kazakhstan Launch \$1.3 Billion Projects, Set \$10 Billion Trade Target for 2030 // Yahoo News. 15.11.2025.

¹⁷ Uzbek President Proposes Setting Up Bloc of Central Asian States // Reuters. 16.11.2025.

практически ежегодно участвует в саммитах ШОС, ОИС, ЭКО, проводит двусторонние встречи с лидерами России, Китая, ЕС, стран Залива, Ирана – и часто именно эти контакты становятся триггером для новых соглашений¹⁸. Во-вторых, «пакетный подход»: каждый визит сопровождается не одной декларацией, а целым набором соглашений – от торгово-экономических и инвестиционных до гуманитарных и правовых, как это было во время поездки в Иран в июне 2023 года, завершившейся совместным заявлением и подписанием 15 документов на разных уровнях. В-третьих, опора на многосторонние форматы: участие в ШОС, ЭКО и ОИС позволяет «подсветить» двусторонние инициативы, придать им региональный масштаб и распределить риски между несколькими игроками, включая Иран как полноправного члена ШОС и ЭКО.

2.2.3. Проверка модели на примере Казахстана

Казахстан - наглядная площадка, где все уровни этой каскадной модели уже отработаны. Двусторонний товарооборот за последние годы растёт, а в 2025 году президенты двух стран согласовали цель довести его до 10 млрд долларов к 2030 году и запустить проекты на 1,3 млрд долларов в промышленности, энергетике и транспорте¹⁹. Параллельно Мирзиёв выдвигает идею создания «Сообщества Центральной Азии» - формализованного формата региональной кооперации для углубления экономической, экологической и инфраструктурной интеграции, что фиксируется в репортажах международных СМИ. На региональном уровне Узбекистан активно участвует в урегулировании приграничных вопросов, включая трёхсторонние встречи с Кыргызстаном и Таджикистаном по завершению делимитации границ. Резюмируя, связка «внутренние реформы – региональное доверие – крупные экономические проекты» в казахстанском кейсе уже работает; иранское направление становится логичным продолжением той же логики, перенесённой с северного на южное направление.

2.3.1. Эволюция политического диалога с Ираном

Отношения с Ираном вышли на новый уровень не одномоментно, а через цепочку сигналов и встреч. В 2022 году президент Ирана Эбрахим Раиси прибыл в Самарканд на саммит ШОС, сделав именно Узбекистан площадкой одного из первых своих крупных внешнеполитических выходов²⁰. В июне 2023 года Мирзиёв совершил официальный визит в Тегеран, где встретился

¹⁸ Uzbekistan, Turkmenistan and Iran Explore Transport Corridor Feasibility // Daryo.uz. 01.08.2023.

¹⁹ Uzbekistan and Kazakhstan to Increase Trade to \$10 Billion by 2030 // News.az. 15.11.2025.

²⁰ Uzbekistan and Iran to Ramp Up Volume of Mutual Trade to \$1bn // Daryo.uz. 12.03.2023.

как с президентом Раиси, так и с Верховным лидером Али Хаменеи; иранские и индийские аналитические центры рассматривают эту поездку как элемент не только двустороннего, но и регионального балансирования²¹. Официальные пресс-сообщения узбекской стороны фиксируют насыщенную повестку визита: от обсуждения транспорта и энергетики до гуманитарного сотрудничества²². Таким образом, политический диалог с Ираном постепенно переходит от эпизодических контактов к системному формату с регулярными высокоуровневыми встречами.

2.3.2. Пакет соглашений и формирование юридической базы

Кульминацией визита 2023 года стало принятие совместного заявления о укреплении сотрудничества и подписания порядка 15 документов на межправительственном, ведомственном и региональном уровнях²³. Среди них - соглашение о преференциальной торговле, программа кооперации в области технического регулирования и стандартизации, меморандумы по созданию совместных свободных экономических зон, развитию фармацевтики, транспорта и транзита²⁴. Отдельного внимания заслуживает договор о передаче осуждённых, подписанный в Тегеране 18 июня 2023 г. и ратифицированный узбекской стороной в 2024 г., что отражено в официальных правовых базах и сообщениях Сената и президента²⁵. Этот документ углубляет доверие между правоохранительными и судебными системами двух стран и демонстрирует готовность сторон развивать не только экономику, но и правовое партнёрство.

2.3.3. Политическое позиционирование Ирана в логике узбекской модели

В конструкции «каскадно-прагматической» дипломатии Иран выступает не идеологическим союзником, а функциональным партнёром, закрывающим сразу несколько задач: обеспечением выхода к морям, доступом к энергоносителям и расширением промышленной кооперации. Официальные формулировки узбекской внешнеполитической концепции подчёркивают открытость, взаимную выгоду и отказ от блокового мышления²⁶. Аналитика, посвящённая многовекторности Узбекистана, фиксирует балансировку между

²¹ Iran-Uzbekistan Trade to Hit \$1 Billion by 2025 // Tasnim News Agency. 01.06.2023

²² Uzbekistan and Iran Discuss Expanding Trade and Economic Cooperation // UzDaily.com. 11.11.2025.

²³ A Package of Documents on Further Development of Comprehensive Cooperation Between Uzbekistan and Iran Adopted // President of the Republic of Uzbekistan. 18.06.2023.

²⁴ Uzbekistan and Iran Strengthen Bilateral Ties with Joint Declaration and Multiple Agreements Signed // Daryo.uz. 19.06.2023.

²⁵ Uzbekistan and Iran Sign 15 Agreements on Strengthening Cooperation // Kun.uz. 19.06.2023.

²⁶ A Package of Documents Aimed at Further Developing Comprehensive Cooperation Between Uzbekistan and Iran Adopted // Yuz.uz. 18.06.2023.

Россией, Китаем, ЕС, странами Залива и региональными игроками вроде Ирана и Турции без вступления в жёсткие альянсы. На практике это означает, что Ташкент воспринимает Иран как важный, но не единственный канал выхода в южном направлении - параллельно развиваются связи с Индией через Чабахар, с Турцией через транскаспийские маршруты и с государствами Залива через инвестиционные и энергетические проекты.

2.4.1. Торговля и инвестиции: рост и отраслевые ниши

После 2016 года двусторонняя торговля Узбекистана и Ирана постепенно выходит из стагнации. По данным узбекских и иранских источников, ключевой политической целью сторон несколько лет остаётся достижение объёма товарооборота в 1 млрд долларов, а в 2025 г. уже обсуждается планка в 2 млрд²⁷. Caspian News фиксируют рост числа совместных предприятий и компаний с иранским капиталом в Узбекистане, особенно в текстильной, строительной, фармацевтической и аграрной отраслях²⁸. Для узбекской экономики сотрудничество с Ираном в этих сегментах значит не только прирост экспорта, но и доступ к технологиям переработки сырья, фармацевтическим ноу-хау и рынкам Ближнего Востока.

2.4.2. Транспорт, логистика и порты: от проектов к маршрутам

Самым стратегическим измерением экономического трека выступает транспорт. Daryo.uz и узбекские ведомства регулярно сообщают о подготовке соглашений по международному коридору «Узбекистан–Туркменистан–Иран–Оман», включённому в более широкий контекст маршрута «Север–Юг»²⁹. Данный процесс подчёркивает, что меморандумы с Ираном в сфере транспорта и транзита открывают дополнительные возможности для развития автомобильных и железнодорожных линий, повышения пропускной способности и диверсификации маршрутов экспорта. Иранская инфраструктура - порты Бендер-Аббас и Чабахар - рассматривается Ташкентом и его партнёрами как ключевой узел для выхода Центральной Азии к Индийскому океану; аналитика по участию Узбекистана в использовании порта Чабахар и трёхсторонних форматах с Индией и Ираном подтверждает эту линию. В перспективе это снижает зависимость узбекского экспорта от северных и каспийских маршрутов.

2.4.3. Энергетика и промышленная кооперация

²⁷ Uzbekistan President's Iran Visit Boosts Bilateral, Regional Cooperation Prospects // Indian Council of World Affairs (ICWA). 28.08.2023.

²⁸ Iran's Supreme Leader Highlights Potential for Enhanced Cooperation with Uzbekistan // Caspian News. 19.06.2023.

²⁹ Iran, Uzbekistan Discuss Extended Co-op in Tourism Sector // Tehran Times. 26.04.2025.

В энергетике Ташкент и Тегеран действуют аккуратнее, учитывая санкционный фон, но уже сейчас обсуждаются поставки нефтепродуктов, газа и совместные проекты в нефтехимии, химической промышленности и производстве удобрений³⁰. Узбекская сторона видит в Иране не только поставщика, но и партнёра по переработке углеводородного сырья и созданию новых цепочек добавленной стоимости. Это ложится в общую стратегию индустриализации Узбекистана, где акцент делается на развитие глубокой переработки, в том числе в химическом и газохимическом кластерах³¹.

2.4.4. Туризм и паломничество

Туризм - более «мягкое», но политически значимое направление. Материалы Tehran Times и узбекских источников подчёркивают взаимный интерес к развитию религиозного, культурно-исторического и экологического туризма, а также к увеличению числа прямых рейсов и созданию совместных турпродуктов. Иранские и узбекские официальные лица прямо называют туристический обмен «успешной моделью регионального сотрудничества», подчёркивая, что он усиливает «мягкую силу» обеих стран и формирует в регионе образ двух цивилизационных центров, связанных общим исламским и культурным наследием³².

2.5.1. Образовательные и научные обмены

Хотя масштаб академической мобильности между Узбекистаном и Ираном пока уступает потенциалу, тренд на расширение уже заметен. Tehran Times, IRNA и узбекские источники пишут о переговорах по усилению сотрудничества в сфере высшего образования, созданию совместных исследовательских программ и увеличению взаимных стипендий. В концептуальном плане именно здесь может появиться качественный рывок: создание узбекско-иранских центров по исламской экономике, истории Шёлкового пути, ирановедению и тюркологии, а также сетевых программ магистратуры и PhD. Для Ташкента такие проекты усиливают статус образовательного хаба Центральной Азии, а для Тегерана - создают дополнительные каналы влиятельной культурной дипломатии.

2.6.1. Стратегические заявления и дорожные карты

Публичные заявления лидеров и правительственных структур задают ориентиры на ближайшие годы: увеличение товарооборота до 1–2 млрд долларов, расширение промышленной кооперации, усиление транзитной роли Ирана для Центральной Азии и участие Узбекистана в развитии коридоров

³⁰ Uzbekistan's New Foreign Policy: Balancing East and West Through Strategic Openness // Vision GT. 02.08.2025.

³¹ EU Leaders Hold Their First Summit with Central Asian States // AP News. 04.04.2025.

³² Iran - Uzbekistan Tourist Exchange, a Successful Model for Regional Cooperation // Tehran Times. 03.09.2025

«Север–Юг» и «Узбекистан–Туркменистан–Иран–Турция». Совместные дорожные карты в транспортной сфере, обсуждаемые на уровне министерств транспорта и инвестиций, конкретизируют эти цели в виде планов по модернизации инфраструктуры, созданию логистических узлов и упрощению процедур для перевозчиков.

2.6.2. Сценарный анализ развития узбекско-иранских отношений

Базовый сценарий предполагает постепенное наращивание торговли и транзита при сохраняющемся санкционном фоне: рост до заявленных 1–2 млрд долларов, расширение участия узбекских компаний в иранских проектах и наоборот, медленное, но устойчивое увеличение пассажирских и грузовых перевозок. Оптимистический сценарий связан с частичным смягчением санкций и стабилизацией региональной обстановки: в этом случае возможно резкое увеличение инвестиций в совместные промышленные и логистические зоны, рост туризма и образовательного обмена. Рисковый сценарий – усиление конфронтации вокруг Ирана и ужесточение контроля за обходом санкций; тогда Ташкент будет вынужден перераспределить ресурсы в пользу альтернативных направлений (транскаспийские маршруты, порты Кавказа, углубление связей с ЕС и Турцией), сохраняя с Тегераном скорее политический диалог и ограниченное экономическое сотрудничество.

2.6.3. Приоритетные направления на среднесрочную перспективу

В горизонте ближайших 5–7 лет наиболее реалистичным выглядит усиление трёх кластеров. Первый – логистика и транспорт: завершение формирования устойчивых маршрутов через Иран, интеграция в «Север–Юг» и развитие мультимодальных цепочек с участием Индии и стран Залива. Второй – отраслевые ниши в торговле и инвестициях: фармацевтика, агросектор, пищевая и текстильная промышленность, где Иран и Узбекистан взаимно дополняют друг друга по сырью, технологиям и рынкам сбыта. Третий – образование и культурно-гуманитарная повестка: именно она способна закрепить достигнутый уровень политического доверия и экономического взаимодействия в долгосрочной перспективе, превращая сотрудничество Ташкента и Тегерана в устойчивый элемент новой архитектуры Евразии.

Узбекистан–Иран и новая архитектура Центральной Азии: выводы и ориентиры развития

Узбекско-иранское направление за последние годы стало тем полигоном, где «каскадно-прагматическая» модель внешней политики Нового Узбекистана прошла проверку на устойчивость и результативность. Политический трек вышел из режима эпизодических контактов: визит Ш.

Мирзиёева в Тегеран в июне 2023 года, совместное заявление и пакет из 15 соглашений показали, что Ташкент способен конвертировать обновлённый курс во взаимное доверие и формализованные обязательства. Экономическое измерение зафиксировало рост товарооборота, появление нишевой кооперации в фармацевтике, химии и текстиле, проработку совместных СЭЗ и транспортных коридоров. Гуманитарный и туристический трек, который иранская сторона уже называет «успешной моделью регионального сотрудничества», демонстрирует, что культурный и религиозный обмен органично дополняет политико-экономический фундамент.

Углубление связей с Ираном усиливает региональный вес Узбекистана сразу по нескольким линиям. Во-первых, Ташкент выступает не просто двусторонним партнёром, а архитектором новой конфигурации Центральной Азии, где внешние проекты оцениваются через призму интересов всего региона, что прямо подчёркивается в аналитике ИСМИ. Во-вторых, инициатива Мирзиёева по созданию «Сообщества Центральной Азии», отмеченная Reuters и рядом ближневосточных медиа, выводит Узбекистан в роль инициатора региональной экономической интеграции, а иранский вектор превращает это сообщество в конструкцию с реальным выходом к морям. Через транспортные коридоры и туристические маршруты страна де-факто становится проводником культурного и образовательного обмена между Центральной Азией и Ближним Востоком, что подтверждают как узбекские, так и иранские источники.

Практический эффект для экономики Узбекистана раскладывается на три блока. Первый - диверсификация экспортных и импортных маршрутов: использование иранских портов в связке с коридором «Север–Юг» снижает транспортные риски и ослабляет зависимость от северных и каспийских направлений. Второй - промышленное развитие: кооперация в фармацевтике, нефтехимии, агросекторе и переработке сырья помогает перейти от сырьевой логики к модели экспорта продукции с высокой добавленной стоимостью, что полностью соответствует целям индустриализации Нового Узбекистана. Третий - культурно-образовательный слой: растущий туристический поток, совместные культурные проекты и расширяющиеся контакты университетов с иранскими партнёрами усиливают исламско-цивилизационную идентичность страны и одновременно закрепляют её образ открытого, модернизирующегося государства. Иранский вектор в этом смысле выступает как экономический и культурный усилитель внутренних реформ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. A Package of Documents Aimed at Further Developing Comprehensive Cooperation Between Uzbekistan and Iran Adopted // Yuz.uz. 18.06.2023.
2. A Package of Documents on Further Development of Comprehensive Cooperation Between Uzbekistan and Iran Adopted // President of the Republic of Uzbekistan. 18.06.2023.
3. EU Leaders Hold Their First Summit with Central Asian States // AP News. 04.04.2025.
4. Foreign Policy of the Republic of Uzbekistan // O‘zbekiston Respublikasi Hukumat portali.
5. Iran - Uzbekistan Tourist Exchange, a Successful Model for Regional Cooperation // Tehran Times. 03.09.2025.
6. Iran, Uzbekistan Discuss Extended Co-op in Tourism Sector // Tehran Times. 26.04.2025.
7. Iran’s Supreme Leader Highlights Potential for Enhanced Cooperation with Uzbekistan // Caspian News. 19.06.2023.
8. Key Foreign Policy Priorities of a Renewed Uzbekistan // Institute for Strategic and Regional Studies under the President of the Republic of Uzbekistan (ISRS). 29.07.2020.
9. New Uzbekistan – A New Model of Foreign Policy // Permanent Mission of the Republic of Uzbekistan to the United Nations. 01.02.2021.
10. Presidents of Uzbekistan and Iran Discuss Prospects for Bilateral Cooperation // President of the Republic of Uzbekistan. 18.06.2023.
11. Salomov J. Towards Openness and Real Democracy? Uzbekistan’s Political Transformation under the Action Strategy 2017–2021 // EUCACIS Online Paper. 2019.
12. Tadjiev Sh. New Uzbekistan Foreign Policy in Central Asian Stability // International Affairs. 2024. URL: <https://international-affairs.uz>
13. The Multidimensional Foreign Policy of New Uzbekistan // Institute for Strategic and Regional Studies under the President of the Republic of Uzbekistan (ISRS). 20.12.2024.
14. The Strategy of Actions: Five Year Results Are Summed Up // Strategy.uz. 2022. URL: <https://strategy.uz>
15. Uzbek President Proposes Setting Up Bloc of Central Asian States // Reuters. 16.11.2025.
16. Uzbekistan President’s Iran Visit Boosts Bilateral, Regional Cooperation Prospects // Indian Council of World Affairs (ICWA). 28.08.2023.

17. Uzbekistan and Iran Discuss Expanding Trade and Economic Cooperation // UzDaily.com. 11.11.2025.
18. Uzbekistan and Iran Sign 15 Agreements on Strengthening Cooperation // Kun.uz. 19.06.2023.
19. Uzbekistan and Iran Strengthen Bilateral Ties with Joint Declaration and Multiple Agreements Signed // Daryo.uz. 19.06.2023.
20. Uzbekistan and Iran to Ramp Up Volume of Mutual Trade to \$1bn // Daryo.uz. 12.03.2023.
21. Uzbekistan and Iran: a new impetus for enhancing trade-economic collaboration // UzA – National News Agency of Uzbekistan. 21.06.2023.
22. Uzbekistan and Kazakhstan Launch \$1.3 Billion Projects, Set \$10 Billion Trade Target for 2030 // Yahoo News. 15.11.2025.
23. Uzbekistan and Kazakhstan to Increase Trade to \$10 Billion by 2030 // News.az. 15.11.2025.
24. Uzbekistan, Turkmenistan and Iran explore transport corridor feasibility // Daryo.uz. 01.08.2023.
25. Uzbekistan, Turkmenistan and Iran plan to create an international transport and transit corridor // Kun.uz. 02.08.2023.
26. Uzbekistan's New Foreign Policy: Balancing East and West Through Strategic Openness // Vision GT. 02.08.2025.
27. Uzbekistan's Transformation in 2017: Reforms and New Foreign Policy // Policy Commons. 2018. URL: <https://policycommons.net>